

Пролог

В помещении висело вязкое облако дыма, сквозь которое с трудом различались очертания стен и окружающих предметов. Пахло ладаном и миррой, как в церкви накануне религиозного праздника. Стол украшала роспись, изображающая поединок святого Георга и Змея. Трепещущее пламя свечей придавало картине зловещий вид: казалось, будто Змей извивается под ногами коня святого и вот-вот вырвется и нанесет ответный удар. Стены, завешанные коврами, сужали пространство и слегка колыхались от сквозняка.

Софья Гавриловна смущенно озиралась по сторонам, пытаясь сообразить, что следует делать — сразу пройти и сесть за стол в ожидании «колдуньи» или все-таки подождать. Женщина привыкла к тому, что гостей встречают у входа, однако, когда она поднялась на лифте, дверь оказалась открытой. Пока Софья Гавриловна раздумывала над своей дилеммой, ковры на стенах заколыхались сильнее, и в глубине комнаты на короткое мгновение распахнулась дверь, впуская яркий свет. Только в этот момент гостя осознала, что поразило ее в этом помещении больше всего: в нем отсутствовали окна! И как, интересно, хозяевам удалось заполучить разрешение на такую странную «перепланировку»?

— Тебя зовут Софья? — раздался глубокий, приятный голос, проникающий в самую глубину сознания.

Софью Гавриловну покоробил не столько тон, сколько то, что к ней обратились на «ты» и по имени. Тем не менее, будучи предупреждена насчет своеобразной манеры поведения колдуньи, она не стала возражать и слабо ответила «да». Существо, неожиданно выросшее прямо перед ней из дыма и пламени свечей казалось порождением подземного мира. Невысокое, длинноволосое, с головы до пят облаченное в черный балахон с блестящими создания вызывало одновременно недоумение, отвращение и трепет. Спутанные черные патлы, мелко вьющиеся, подобно змеям, почти полностью скрывали лицо говорившей. На секунду Софья Гавриловна испытала непреодолимое желание убраться подальше из этого логова, но его хозяйка, будто почуяв это, как дикий зверь чует добычу, вдруг схватила ее за запястье и сжала так сильно, что женщине послышалось, как хрустнули кости.

— Тебя зовут Софья, — повторила колдунья глухим голосом, тонувшим в бесконечных, покрытых толстым слоем пыли коврах. — У тебя болен... сын. Зовут его... Петр. Жить ему осталось... полгода, не больше.

Софья Гавриловна буквально ощутила, как кровь в ее жилах застыла и покрылась коркой льда. Колдунья сказала правду. Более того, только она *одна* знала о том, сколько времени отпущено Пете, ведь Софья Гавриловна не смогла сказать об этом ни ему самому, ни мужу, который свято верил в

возможности современной отечественной медицины! Перед тем как закончить каждую фразу, колдунья делала паузу. Создавалось впечатление, что она считывает информацию из какого-то ведомого только ей источника.

— У него было... три операции. Вижу... голову. Опухоль. Ремиссия... Больше трех лет. Потом — опять.

Рука колдуньи разжалась, и Софья Гавриловна судорожно глотнула ртом воздух.

— Ну и чего ты хочешь от меня?

Откинув волосы со лба, колдунья явила взгляду клиентки широкое круглое лицо с чуть раскосыми глазами — хотя, возможно, эффект «восточного разреза» достигался при помощи своеобразным способом подведенных век и темных теней вокруг глаз.

— Я... Как мне вас называть?

— Зови Марьяной, — пожала плечами колдунья, подбирая длинный балахон и усаживаясь на стул. — Ну, садись и ты, — пригласила она. — В ногах правды нет.

Софья Гавриловна испытала чувство благодарности за предложение, так как еще немного и ее ноги сами подкосились бы.

— Марьяна, я хочу спасти сына! — громким шепотом произнесла она, как будто кто-то мог подслушать. Муж уж точно не одобрил бы ее приход сюда — да что там, он бы поднял ее на смех, отчитал, как первоклассницу, назвал деревенщиной... Но Софье Гавриловне было все равно: если Петя выздоровеет, то ничто не будет иметь значения!

— Ты ездила по святым местам.

Женщина открыла рот, чтобы ответить, но поняла, что это не вопрос.

— Молилась мощам святого Пантелеймона...¹
В Москву ездила, за границу... на Родос?

Софья Гавриловна лишь судорожно закивала головой: откуда эта женщина могла знать *так* много? Конечно, кое-какие родственники и друзья в курсе того, что мать возила тяжело больного юношу в Грецию, но как об этом стало известно Марьяне?

— Не помогло все это — и не поможет! — изрекла между тем колдунья. — Потому что сын твой не в руках божьих, а в руках сатаны!

Произнося последнюю фразу, она сорвалась на крик и вся затряслась, словно бесноватая. Во второй раз за время нахождения в странной квартире Софья Гавриловна едва поборола в себе желание убежать. И вновь, как будто почувствовав ее состояние, Марьяна протянула руку и схватила клиентку за локоть.

— Жить будет твой Петр! — прошипела она, закатив глаза, так что видны оставались лишь белки. — Долго проживет, внуков увидит и правнуков... Фотку давай!

— Ч-что? — дрожащими губами пролепетала клиентка.

— Тебе что, не сказали? Снимок нужен.

— Петина фотография? Конечно, я принесла...
Вот!

¹ Святой Пантелеймон — великомученик, целитель. — *Прим. авт.*

Марьяна некоторое время вглядывалась в лицо молодого человека, покачивая головой.

— Нет, нет, — пробормотала она. — Ошибся доктор, ошибся: не полгода ему осталось, а месяца три, не больше... Трудно будет, но выживет твой Петр. Ты правильно ко мне пришла, я помогу. Два условия у меня есть. Выполнишь — все сбудется, хоть одно нарушишь...

— Все выполню, все! — воскликнула Софья Гавриловна. Рука колдуньи сжимала ее локоть, но женщине чудилось, что невидимые пальцы держат ее за горло.

— Первое условие — приходить станешь каждое воскресенье, не пропуская ни одного. Я дам тебе целебные отвары и амулеты, чтобы прогнать злых духов, которые наслали болезнь на твоего Петра. Второе условие — никому не рассказывай о том, что ко мне ходишь.

Сказав это, колдунья привстала и приблизила свое лицо почти вплотную к лицу напуганной клиентки.

— Запомни: если хоть слово скажешь кому о нашей встрече и о том, о чем мы говорили, *через месяц умрешь!* Если не согласна — прямо сейчас уходи.

Софья Гавриловна, как загипнотизированная, начала было подниматься, но, поймав блестящий, пронзительный взгляд Марьяны, застыла на пару секунд, а потом медленно опустилась обратно.

— Ну вот и хорошо, — на удивление мягко произнесла колдунья с удовлетворением. — А теперь, начнем!

* * *

Лиля опаздывала — этого еще не хватало в первый же рабочий день! Бабушка оборвала телефоны всех бывших коллег и друзей, чтобы устроить внучке это место, и запятнать себя опозданием сразу по прибытии стало бы очень большим минусом для будущей карьеры. Лиля мечтала о работе в новом онкологическом центре, прямо-таки бредила им с тех самых пор, как узнала о том, что в Питере строится клиника европейского образца, укомплектованная всей возможной в данной области диагностической аппаратурой и операционными, оборудованными по последнему слову техники. На зарплату, конечно, это никак не повлияет, однако одно дело — каждый божий день приходиться в обшарпанное, унылое здание, и совсем другое — в потрясающий комплекс из стекла и бетона, в стенах которого атмосфера обреченности, свойственная этому роду заболеваний, скрашивается хотя бы красивой внешней оболочкой. Онкологический центр, что знаменательно, практически целиком построили на деньги спонсоров — беспрецедентная акция. Оборудование закупили городские власти. Для многомиллионного города это — капля в море, ведь ему требуется гораздо больше, чем один новый центр онкологии, а сколько больниц другого профиля — считать устанешь, но, как говорится, лучше иметь хоть что-то хорошее, чем вообще ничего! Прежде чем возможность трудоустройства сюда стала реальностью, Лиля несколько раз приходила на маленькую площадь перед Центром, пытаясь предста-

вить себе, каково это — здесь работать. Теперь ей предстояло проверить, действительно ли все так здорово, как казалось снаружи, и Лиля прибавила шаг, умоляя стрелки часов не торопиться.

Когда она вбежала в вестибюль, электронные часы над главным входом показывали без трех минут восемь. Тратить время на переодевание не пришлось, так как на дворе июнь, и, хоть погода в последнюю неделю не радовала, обильно поливая питерскую землю дождями, на Лиле были только джинсы и футболка. Первое, что бросалось в глаза внутри Центра — невероятное количество белого цвета. Плиточный пол, потолок, предметы интерьера — все ослепительно-белое. Исключение составляли лишь стены — желтые, розовые и голубые, что приятно контрастировало с обстановкой стерильности вокруг.

— Опаздываете, девушка!

Именно этими словами встретил ее пожилой мужчина в мятом халате и больших очках с дымчатыми стеклами. Он был лыс, как коленка, кругл, словно имбирный пряник, и, судя по всему, несмотря на строгие слова, добродушно настроен.

— Значит, ты и есть *та самая* Лиля, внучка Екатерины Матвеевны?

— А вы — Никодим Иванович, да? Ой, простите за опоздание, но трамвайная линия перекопана...

— Да-да, мне следовало предупредить тебя о том, что добираться нужно на маршрутках — такое вот неудобство! Ну, в этом есть и свои плюсы: когда движение вновь откроется, рельсы простоят достаточно долго, потому что их, как и положено,

ремонтируют летом, а не зимой, когда земля мерзлая. Ну-с, готова приступить к работе?

— Готова, Никодим Иванович!

— Ну вот и отлично... Эй, Леша! — обратился он к молодому человеку с встрепанной светлой шевелюрой и в очках. Тот поднял глаза от компьютера, за которым сидел, не замечая ничего вокруг. — Проводишь девушку на экскурсию?

По лицу Леша было очевидно, что задание ему не по душе — без сомнения, у него имелись и более важные дела, однако спорить с заведующим отделением опухолей мозга и нервной системы парень не стал. Никодим Иванович Тимофеев являлся своего рода легендой в кругах специалистов по онкологии. Он был одним из первых онкологов-нейрохирургов в городе, и его пациентами частенько становились известные люди, их друзья и родственники. Специалистов в этой узкой области медицины можно пересчитать по пальцам, а уж тех, кто *успешно* лечит соответствующие заболевания, учитывая их тяжесть, и того меньше. Тимофеев относился именно к таким специалистам, хотя и перестал оперировать несколько лет назад, сочтя, что возраст не позволяет ему продолжать пользоваться пациентами в качестве хирурга. Теперь он занимался исключительно терапией и, кроме того, курировал молодых интернов, приходящих на работу в Центр.

— Ну пошли, что ли? — неохотно предложил Леша, чуть ли не со стоном поднимаясь со стула.

Несмотря на ношение белого халата и нахождение в ординаторской, Алексей Родников оказался не медиком, а физиком. Он пояснил, что

входит в группу специалистов, работающих над улучшением методов радиоактивного лечения.

— Понимаешь, — увлеченно, но немного нудно рассказывал он, ведя ее по длинному коридору, — особенный метод программирования EGS4 в сочетании с использованием математической модели позволяет достигать эффективности и безопасности довольно высокого уровня...

— И давно ты здесь? — полюбопытствовала Лиля.

— Здесь — всего полгода, ведь Центр совсем недавно сдали! — ответил он, пожимая плечами. — А вообще в медицине — пятый год. Ну и кто у тебя?

— В смысле? — не поняла Лиля.

— Сюда никто не приходит просто так, как в гастроэнтерологию, к примеру, или травматологию, как правило, в онкологии работают те, кто потерял близких вследствие рака. Так *кто* у тебя?

Лиля внутренне напряглась. Она не была готова к личным вопросам, ведь Тимофеев знал о ее ситуации, и больше никого, казалось бы, она интересоваться не должна. С другой стороны, девушка понимала, что для установления дружественных отношений с «местным населением» не стоит начинать с отказа удовлетворить понятное любопытство в отношении новичка.

— Мама, — сглотнув, сказала она, не глядя в глаза Алексею: эта тема все еще была болезненной и, как подозревала Лиля, останется такой навсегда.

— Сочувствую. Давно?

— Шесть лет...

Они замолчали в попытке сгладить неловкую паузу.

— А у тебя? — задала вопрос Лиля, решив, что теперь тоже имеет право на откровенность собеседника.

— Нет, со мной все иначе! — отозвался парень. — Мой дядя, знаешь ли, главный онколог города — во как! Все равно тебе растреплют, так что лучше узнай лично от меня.

— И ты не стал врачом? — удивилась девушка.

— Знала бы ты, через что пришлось пройти! — рассмеялся Леша, и от его былой угрюмости не осталось и следа. — Предки-то мои тоже медики, так что можешь себе представить! Но у меня, первого в роду, не лежит к этому душа. Зато я обожаю физику и всякую технику, так что мы пришли к своего рода компромиссу... Значит, ты со Стариком на короткой ноге?

— Со ста... А, нет, это моя бабушка — они с Никодимом Ивановичем старые знакомые.

— Поня-а-атно, — протянул Леша. — А то ведь сюда кого попало не берут — место блатное, хотя, честно говоря, не понимаю, что тут такого хорошего!

— Ну, помещение классное, например! — заметила Лиля, с восхищением глядя по сторонам. — Все такое...

— *Пластиковое?* — с усмешкой подсказал новый знакомый.

— Да нет же — красивое, чистенькое, блестящее!

— Это да, — вздохнул Леша. — Только вот наши пациенты не имеют возможности всем этим

наслаждаться — не до того им. Да и все остальное оставляет желать лучшего: медикаменты поставляют в недостаточном количестве, да и те приходится добывать с боем, как во время войны. Аппараты закупили вроде бы новейшего образца, да вот только работать на них наши врачи либо не умеют, либо не хотят...

— Как это — не хотят?

— Боятся.

— Чего боятся-то?

— Ну, радиации там, излучения — короче, стараются лишний раз не подходить. Особенно один агрегат — его уже четыре месяца как привезли, а он все стоит, нераспакованный, в подвале.

— Нераспакованный? В подвале?! Так он же там испортиться может!

— Может, уже и испортился... В Питере всего один такой есть, но его, похоже, серьезно вознамерились сгноить!

— Погоди, а куда начальство смотрит?

— Только вперед! — криво усмехнулся Леша. — Ладно, давай начнем экскурсию, что ли?

В течение последующих сорока минут они обошли отделения лучевой и радиотерапии, отделения рака молочной железы, легких, саркомы и опухолей скелета и онкогинекологию. Лиля смотрела во все глаза и задавала кучу вопросов.

— Знаешь, — с изумлением сказал Леша примерно в середине «тура», — впервые встречаю такого внимательного слушателя!

— Неужели?

— Точно-точно. Создается впечатление, что ты хочешь тут задержаться!

- Очень хочу, — серьезно ответила Лиля.
— Тогда тебе придется несладко! — рассмеялся он.
— Почему? — встревожилась девушка.

— Да коллективчик у нас не из простых — сама увидишь. Но теперь у тебя есть союзник! — И парень слегка подмигнул ей. — Нас, физиков, тут боятся, ведь без нас вся работа встанет. Если обидят — милости просим к нам, пасть порвем бандитам... и все такое! Так, на опухоли мочеполовых путей не пойдем, если не возражаешь: времени в обрез, а дел еще — конь не валялся. Зато ты можешь посмотреть на то, как проходит операция по удалению глиобластомы — прямо сейчас в... десятой операционной, есть желание?

— Конечно, есть! — с энтузиазмом воскликнула Лиля. — А как туда попасть?

* * *

До обеденного перерыва Лиля успела посмотреть операцию и познакомиться с одной из медсестер своего отделения. Высокая, нескладная, некрасивая, но веселая и смешливая Оксана Рыбина ей сразу понравилась. Девушка работала здесь уже восемь месяцев — настоящий старожил по местным меркам. В перерыве Оксана потянула новую подругу на улицу покурить, говоря, что раз уж солнце соизволило-таки выглянуть, то просто грех проводить время в помещении. На крыльце, облокотившись о чугунную оградку, курили двое молодых ребят в белых халатах. При виде девушек один из них, белобрысый и курносый, тихонько присвистнул:

— О, кажись, нашего полку прибыло! Привет, Рыба, кто это с тобой?

— Привет, Кузя. Знакомьтесь — Лилька, моя подруга, — дружелюбно представила ее Оксана.

— Еще одна сестренка?

— Да нет, ординаторша.

— Ах ты боже мой! — ухмыльнулся второй парень, темноволосый, длинный, как рельса, и почти такой же худой. На носу у него были очки в тяжелой оправе. Наверное, именно из-за этой оправы они с трудом удерживались на остром покатом носу и то и дело сползали, заставляя паренька поправлять их неловким движением тонких, нервных пальцев. — Значит, мы из «верхнего» эшелона?

— То есть? — не поняла Лиля.

— Ну, у нас тут, знаешь ли, строгая иерархия. На нижней ступеньке «пищевой цепочки» находятся нянечки, самый малоуважаемый и низкооплачиваемый персонал. Затем идут практиканты, медсестры и медбратья. За ними следуют *операционные* медсестры и медбратья, потом — ординаторы. Врачи замыкают цепочку и открывают собственную, в которой выше всех стоят хирурги узкого профиля.

— Да ладно тебе, Боб! — отмахнулась Оксана.

Видя, что она вытащила из пачки сигарету, парень щелкнул зажигалкой. Медсестра с наслаждением затянулась.

— А ты чего? — поинтересовался Кузя у Лили.

— Да я не курю! — ответила она. — Так просто, за компанию...

— Ну-ну, — глубокомысленно буркнул он и выпустил дым из широких ноздрей. Они так за-

бавно подрагивали, что он здорово походил на кролика-альбиноса, со своими пухлыми щеками и маленькими глазками, опущенными густыми, но абсолютно бесцветными ресницами.

— Скоро она с нами болтать будет брезговать, — продолжил тему Боб. — На крышу станет забираться, так что, ловите, как говорится, момент!

— А что на крыше? — полюбопытствовала Лиля.

— Да там врачи гнездо свили, — с завистью пояснил парень. — У них, знаешь, все с комфортом — кресла, цветочки...

— И крыша стеклянная, вот! — подхватил Кузя.

— А вы почему на крышу не ходите, раз все так здорово?

— Да потому, что нас *туда* никто не пустит! Да и тебя — еще большой вопрос...

— Она знакома с Никодимом! — предупредила Оксана.

— А-а... Ну тогда мы точно ее больше здесь не увидим!

Парни потеряли к Лиле интерес. Она заскучала и от нечего делать принялась поглядывать по сторонам. Даже если бы девушка этого и не делала, все равно неожиданное и шумное появление потрясающе красивой приземистой иномарки темно-синего цвета не могло остаться незамеченным. Лиля плохо разбиралась в автомобилях — точнее, вообще не разбиралась, однако то, что машина дорогая и «понтвая», не подлежало сомнению — один откидной верх чего стоил! Приглядевшись, Лиля заметила на бампере авто знакомый треугольный значок. Он, за исключением очевидных

надписей, которые можно иногда прочесть, был единственным из всех, который она выучила за двадцать четыре года существования на этом свете, — «Мерседес».

— О, белая кость, голубая кровь! — пробурчал Кузя, жуя кончик сигареты, словно пытаюсь выдавить из нее сок.

— Да ладно тебе, Кузя! — вновь отмахнулась Оксана, одновременно выкидывая сигарету и поправляя прическу. — Он классный!

— Он? Классный?!

— Ну конечно, ты ни за что этого не признаешь, — резонно заметила медсестра. — Потому что ты — мужчина, а я вот, к примеру, очень даже... Добрый день!

Прервав фразу на середине, Оксана мило улыбнулась высокому, стройному мужчине, вышедшему из красивой машины. Лиля лишь успела заметить смуглую, слегка с желтизной кожу, черные волосы, прямые и доходящие почти до плеч, и странно узкий разрез глаз.

— Привет! — бросил он отрывисто, даже не посмотрев в ее сторону, и буквально вбежал в вестибюль.

— Видела? — победно улыбаясь, спросил Кузя, подчеркивая, что вновь прибывший проигнорировал попытку Оксаны привлечь его внимание.

— Кто... это был? — медленно проговорила Лиля, не отрывая взгляда от двери, за которой только что скрылся незнакомец.

— Кан Кай Хо, — с благоговением произнесла Оксана, нисколько не обидевшись на прохладное приветствие.